

Лютая лихорадка едва не свела Мао Сяофэя в могилу. Очнулся он только на третий день. Если бы не удушливая горечь лекарств на языке, он, верно, и не вспомнил бы, что с ним произошло.

Свистящая пустота на месте выбитого нижнего резца казалась позорным клеймом. Сяофэй сидел на краю постели, тупо глядя перед собой. В комнате царил тишина — ни души. Стоило ему спустить ноги и попытаться встать, как колени подогнулись, и он полетел на пол. Не оказавшись под рукой низкого столика, за который он чудом уцепился, верхние зубы разделили бы печальную участь нижних.

Дверь скрипнула, отворяясь. Вошедшая служанка при виде Мао Сяофэя на миг опешила, но не проронила ни слова.

Принесла она еду, да такую роскошную, что у Сяофэя дух захватило. С виду — простая пиала с кашей, но его чуткий, как у гончего пса, нос мгновенно уловил тонкий аромат дорогих деликатесов. Там определенно томились крабовые клешни, очищенные креветки, волокна ласточкиных гнёзд и кусочки морского ушка. Всё это было измельчено столь искусно, а сама каша варилась явно не один час — только при долгой варке получается такое нежное, тающее во рту блюдо.

О прочих яствах и говорить нечего: служанка извлекла из трёх лакированных судочков столько деликатесов, что они заняли добрую половину стола.

Сяофэй удивлённо приподнял бровь. Не удержавшись, он ухватил служанку за рукав и заискивающе заглянул ей в лицо:

— Милая девица, скажи, где твой хозяин? И что это за место? Давай договоримся. Твой господин спас мне жизнь, и мне по всем правилам приличия положено поблагодарить его лично. Разве я не прав?

Девушка лишь растерянно захлопала глазами и попыталась высвободить край одежды. Сяофэй держал крепко. В завязавшейся потасовке раздался треск рвущегося шелка, обнажившего её белоснежное предплечье. Служанка в сердцах топнула ногой и, залившись краской стыда и гнева, выбежала вон, едва не плача.

Сяофэй так и остался стоять с разинутым ртом. Придя в себя лишь минуту спустя, он вздохнул, швырнул обрывок ткани на пол и философски рассудил, что перед лицом ломящегося от яств стола глупо предаваться унынию. Не пропадать же добру.

Спустя четверть часа он уже лежал на постели, наевшись так, что дышал через раз. Сон, однако, не шёл — Сяофэй ворочался с боку на бок, томясь от безделья. Никто не спешил призывать его к ответу за испорченное платье, да и вообще им никто не интересовался. Он поднялся, подергал дверь — заперто снаружи. Окна вместо привычной бумаги были затянуты холодным цветным стеклом. Такое пальцем не проткнёшь, скорее ногти обломаешь. Поняв, что биться головой о стену бесполезно, Сяофэй натянул одеяло до ушей и уснул мертвым сном.

К вечеру в дверь снова постучали. Вошла всё та же служанка. Прежде чем расставить новые блюда, она одарила Мао Сяофэя свирепым взглядом.

— Послушай, красавица, я и с места не сдвинусь, — Сяофэй примиряюще поднял ладони, показывая, что не замышляет ничего дурного. Он уселся напротив и преданно заглянул ей в глаза, разве что хвостом не виляя. — Ну так что? Может, шепнёшь словечко? Клянусь, твой хозяин ничего не узнает. Идёт?

Но девица лишь невозмутимо расставляла тарелки, словно перед ней было пустое место. Сяофэй озадаченно нахмурился. Он осторожно зашёл к ней со спины, гадая: то ли она издевается, то ли и впрямь так увлечена работой?

Выждав момент, он звонко хлопнул в ладоши прямо у неё над ухом.

Девушка даже не вздрогнула — её аккуратная головка с гладко причёсанными тёмными волосами лишь едва покачивалась в такт её собственным безмолвным подсчётам яств на столе.

Сяофэй хлопнул ещё раз, сильнее. В этот миг служанка резко повернулась и едва не сбила его с ног. Снова топнув от досады, она пулей вылетела из комнаты, на сей раз не дав ему даже шанса приблизиться.

На ужин опять подали гору мяса и рыбы. Сяофэй невольно усмехнулся: после того как князь Аньян выставил его за порог, о подобной роскоши он не смел и мечтать. Главное жизненное правило Мао Сяофэя гласило: «Дают — бери, бьют — беги». А потому, решив сначала набраться сил, а уж потом планировать побег, он без лишних раздумий принялся за еду и в мгновение ока опустошил тарелки.

Перед сном служанка принесла отвар. Сяофэй решил повторить попытку, но на этот раз подошёл к делу основательно. Вскоре всё прояснилось.

Дело было вовсе не в его навязчивости или дурных манерах. Девушка никак не реагировала на шум. Обычный человек, даже если очень захочет проигнорировать собеседника, вздрогнет, если у него над ухом бабахнет гром. Сяофэй же испробовал всё: стучал по медному подносу у самой её головы, кричал во весь голос — всё без толку.

Бедняжка оказалась глухой. А когда он окончательно вывел её из себя, она лишь сердито замычала. Она не могла и говорить.

Сяофэй окончательно пал духом.

Так минуло ещё четыре дня. Однажды вечером Сяофэй, наевшись, сидел на табурете и

увлечённо ковырял в зубах. Лишившись нижнего резца, он пребывал в постоянной тревоге: ему казалось, что соседние зубы вот-вот зашатаются и выпадут. Накануне ему даже приснился кошмар, от которого мороз пошёл по коже: будто он откусывает сочный персик, а изо рта хлещет кровь вперемешку с вывалившимися зубами. Он тогда проснулся в холодном поту, долго дрожал, но, заметив, что за окном ещё глухая ночь, кое-как заснул снова.

И вот, в один из вечеров дверь наконец отворилась. Сяофэй лежал на боку, съёжившись под одеялом так, что со стороны походил на наседку, высиживающую яйца.

Из коридора донёсся звонкий смешок.

Этот звук подействовал на дремлющего Сяофэя как удар грома. Он мгновенно взвился на постели и застыл со скрещенными ногами, свесив длинные, как у обезьяны, руки.

На пороге стоял юноша лет пятнадцати-шестнадцати. Кожа у него была нежной, точно лепесток цветка, а роскошный парчовый наряд выдавал благородное происхождение. Слегка склонив голову набок, незванный гость с улыбкой разглядывал пленника.

— Ты ещё кто? — настороженно спросил Сяофэй.

Из ума всё никак не выходила жестокая выходка молодого господина Су. Обжёгшись на молоке, дуешь и на воду — подобные изнеженные барчуки только с виду казались безобидными ангелами, а на деле росли в холе и неге, ни в грош не ставя чужие жизни. Сяофэй уже сполна за это поплатился, а потому невольно вжался в угол кровати.

— Братец, ну чего ты так меня испугался? — весело спросил юноша, делая пару шагов вперёд мимо стола с чайной утварью.

Сяофэй, упёршись спиной в холодную стену, с опаской уставился на его ноги. На туфлях молодого господина красовались крупные речные жемчужины — щегольство, да и только.

— Кто боится? Я?! — буркнул Сяофэй, выпрямляя спину так усердно, что лопатки заболели.

— Хорошо-хорошо, я не подойду ближе. Позволишь просто поговорить с тобой? — вежливо предложил гость.

Сяофэй прищурился, лихорадочно соображая. По возрасту он действительно годился этому мальчишке в старшие братья. К тому же тот, похоже, спас его, так что следовало проявить хоть каплю уважения. Вообще-то Сяофэй был из тех проныр, у которых кожа толще бычьей шкуры: стоит дать им волю — мигом сядут на шею. Князь Аньян дважды оставил его в дураках, но вешаться или топиться Сяофэй не собирался. Ну не вышло стать мужем князя — невелика беда, найдёт другую дорогу.

Но старые люди не врут: когда не везёт, так и на ровном месте шею сломаешь. Попытка заложить собственное тощее тело в ломбард едва не стоила ему жизни и чести. Хуже падать было уже некуда — это дно его жизни, в этом он был уверен.

— Выкладывай, — Сяофэй храбро вскинул подбородок, но тут же поспешно добавил: — Только с места ни шагу.

— Как скажу, так и будет, — улыбнулся юноша.

Он уселся за стол, налил себе чаю и принялся неторопливо пить, с интересом разглядывая Сяофэя.

Сяофэй под этим пристальным взглядом почувствовал себя неловко. Сердце заколотилось чаще. Не выдержав затянувшейся паузы, он спросил:

— Ну? О чём говорить-то хотел? И... это правда ты меня вытащил?

В его голосе сквозило неприкрытое недоверие. Этот барчук выглядел сущим слабаком. С какой стати ему лезть на рожон и забирать его из Павильона Весенней Груши?

В таком людном месте, как Павильон Весенней Груши, у стен есть уши. И если этот юнец посмел забрать того, на кого покусились люди князя Аньяна, слухи об этом должны были разлететься за один день. А ведь этот Аньян — тот ещё тип: злопамятный, распутный и холодный как лёд подлец. Сяофэй мысленно сплюнул, поминая несостоявшегося супруга «добрым» словом. За полгода в его поместье он натерпелся всякого.

— Тебе нужен был лекарь, а у меня он как раз под рукой. Помочь ближнему в беде — разве не благородный поступок? — невинно захлопал ресницами юноша.

Эта безупречная логика заставила Сяофэя замолчать. Он немного расслабился и, укутавшись в одеяло, уселся на постели поудобнее, всё же сохраняя дистанцию.

— Ну... спасибо, что поделился лекарем, — проворчал Сяофэй.

Очнувшись, он действительно почувствовал во рту вкус целебных снадобий, да и ссадины на теле были заботливо обработаны. Судя по быстрому заживлению, мазь использовали дорогую. Раны больше не ныли, разве что к отсутствию зуба никак не удавалось привыкнуть. Прожить столько дней в тепле и сытости — неужто удача наконец повернулась к нему лицом?

— По правде говоря, у меня к тебе есть одна скромная просьба, — мягко произнёс юноша.

Сяофэй вскинул брови. Он напустил на себя независимый вид, хотя внутри всё сжалось от

дурного предчувствия.

— Ну, долг платежом красен. Раз уж ты меня выручил, я готов помочь. Выкладывай, чего надо?

— Даже не знаю, с чего начать... Дело весьма деликатное, — замялся гость.

Сяофэй мгновенно помрачнел:

— Постой... Ты ведь не про это? Сразу предупреждаю, в таких делах я полный профан.

Юноша опешил, но, сообразив, к чему клонит собеседник, густо покраснел:

— Да бог с тобой! Конечно нет! Кем надо быть, чтобы помыслить о таком непотребстве?

— Прости, — Сяофэй почувствовал, как к щекам прилила кровь. Стало неловко, что он мерит людей по себе. С чего он вообще решил, будто каждому встречному есть дело до невзрачного оборванца вроде него? Князь Аньян приблизил его лишь потому, что тот был круглым сиротой — без роду и племени, без связей и лишних хлопот. Идеальная ширма. — Так чего же ты хочешь, спаситель?

— Не стану скрывать: мой отец — купец из Цинси. У нас на родине каждый юноша, достигнув пятнадцати лет, обязан явиться на призывной пункт и вступить в армию. Отец вырастил меня один, я поздний ребёнок — он обрёл меня, когда ему уже перевалило за пятьдесят. Матушка моя, увы, скончалась в муках при родах. В начале года отец привёз меня сюда, в Верхнюю Ци, надеясь уберечь от службы под предлогом торговли. Но срок нашего временного разрешения на пребывание на исходе. Стоит нам вернуться — меня заберут в казармы. Отец от горя уже пять дней ничего не ест... Если так пойдёт и дальше...

Сяофэй наконец всё понял. Долго раздумывать он не стал и, с силой хлопнув себя ладонью по груди, выпалил:

— Я пойду вместо тебя!

— Я знал, что не ошибся в тебе, братец! — звонко воскликнул юноша.

От этого радостного крика Сяофэй с перепугу тут же натянул одеяло на голову. Выждав пару секунд и не услышав шагов, он осторожно высунул нос. Гость и не думал приближаться — он стоял у дверей. На улице уже сгустились сумерки, и его лица было не разглядеть.

По спине Сяофэя пробежал лёгкий холодок, но тут из полумрака донёсся чистый, звонкий голос:

— Спасибо тебе. Сейчас я пришлю лекаря, пусть ещё раз осмотрит твои десны. А завтра на рассвете ты отправишься в путь. Смотри, не опозорь моё имя!

У Сяофэя оставалась ещё уйма вопросов. Например, как зовут самого молодого господина? Ведь если он идёт вместо него, малейшая оплошность погубит обоих. Да и вообще — есть ли у этого семейства связи в армии? Судя по тому, что здесь кормили не хуже, чем в Поместье князя Аньяна, деньжата у купца водились немалые. Но юноша исчез так же стремительно, как и появился, не оставив времени для расспросов.

На следующий день, задолго до первых петухов, Сяофэя бесцеремонно растолкали. Наспех умыв и переодев, его усадили в закрытый экипаж.

Сколько Сяофэй ни пытался заговорить в пути с возницей, тот упорно хранил молчание. Он решил, что ему снова достался немой провожатый. Так в полном молчании минуло полмесяца. Наконец карета остановилась у ворот военного лагеря в далёком Цинси. Кучер молча выставил наружу дорожный узел.

Сонный Сяофэй, протирая глаза, выбрался на пыльную дорогу.

— В пятидесяти шагах впереди — лагерь. Возьми этот жетон и ступай отмечаться, — внезапно заговорил возница.

Сяофэй взял деревянную плашку. Вглядевшись в вырезанные иероглифы, он опешил: там чётко значилось его собственное имя — Мао Сяофэй!

Смутное предчувствие беды заставило его застыть на месте. Пройдя шагов десять, он резко обернулся:

— Пойдите! Я же должен был назваться чужим именем! Дядя, с этим жетоном что-то не так...

Но в ответ ему донёсся лишь стук копыт. Лошади рванули с места, оставляя после себя лишь плотную завесу жёлтой пыли.

— Да как же так... — пробормотал Сяофэй, опустив руку.

Вокруг глухой стеной стояли горы, оглашаемые криками диких птиц и обезьян. По пути сюда они петляли по глухим тропам, то и дело вытаскивая увязшие колеса из грязи. О том, чтобы вернуться пешком без проводника, не стоило и мечтать — он заблудился бы в первом же овраге. В этот момент из чащи донёсся заунывный, леденящий душу волчий вой. У Сяофэя волосы на затылке встали дыбом.

Стиснув зубы, он решительно зашагал к воротам лагеря. По крайней мере, там, над частоколом, поднимался спасительный дымок полевых кухонь — верный знак, что там есть живые люди.

<http://bllate.org/book/18429/1768175>